

«Зевса питомецъ, Лаерта дитя, Одиссей многоумный,
Должно, какъ видно, идти, ибо, кажется, цѣли посольства 625.
Этимъ путемъ не достигнемъ. Скорѣй возвѣститъ Аргиянамъ
Слово отвѣтное нужно, — хотя и недоброе слово.

Насъ поджидая, они, можетъ быть, до сихъ поръ засѣдаютъ.
Сдѣлалось дикимъ теперь Ахиллесово гордое сердце.

Злобный, не думаетъ онъ о пріязни товарищей прежнихъ, 630.
Какъ близъ глубокихъ судовъ мы его больше всѣхъ почитали.

Жалости чуждый въ душѣ! Даже тотъ, чьего брата убили,
Чье умертвили дитя, искупительный даръ принимаетъ.

Выкупъ большой заплативъ, остается убійца въ народѣ,
А принимающій выкупъ смиряется гордой душою. 635.

Въ сердце-жъ твое, сынъ Пелея, вселили безсмертные боги
Непримиримую злобу — и все изъ-за дѣвы единой!

Семь мы теперь предлагаемъ отборнѣйшихъ дѣвъ, а въ придачу
Много подарковъ другихъ. О, смягчи свое гордое сердце,

Гостепріимство почти! Отъ Ахейскихъ дружинъ мы пришельцы 640.
Нынѣ подъ кровлей твоей, мы, кто болѣе прочихъ Ахейцевъ

Страстно желали всегда оказать тебѣ дружбу и вѣрность».

И, отвѣчая ему, такъ сказала Ахиллесъ быстроногій:

«Зевса питомецъ, Аяксъ Теламонидъ, владыка народовъ,
Мнѣ показалось, что ты отъ души говорилъ это слово. 645.

Но разгорается сердце отъ гнѣва, едва лишь припомню
Рѣчи Атрида въ тотъ день, когда онъ передъ войскомъ Ахейскимъ

Мнѣ оскорбленіе нанесъ, какъ пришельцу лишенному чести.

Но удалитесь теперь и отвѣтную рѣчь возвѣстите.

Я не подумаю раньше о кровопролитномъ сраженіи, 650.

Чѣмъ отъ владыки Пріама рожденный божественный Гекторъ

Не нападетъ на суда и палатки дружинъ Мирмидонскихъ,

Много Ахейцевъ убивъ и огнемъ ихъ суда уничтоживъ.

Передъ моею же палаткой, моимъ кораблемъ чернобокимъ
Гекторъ, и сильно желая, отъ битвы воздержится, вѣрю» 655.

Кончилъ, и каждый, взявъ кубокъ двойной, совершилъ возліянье.

Послѣ вернулись они къ кораблямъ, — сынъ Лаерта шелъ первымъ.

Тою порою Патроклъ друзьямъ повелѣлъ и служанкамъ

Мягкое ложе для старца какъ можно скорѣй приготовить. 660.

Тѣ, повинувась, постель приготовили, какъ повелѣлъ онъ,

Шкуры овечьи постлавъ, одѣяло и холстъ тонкотканый.

Тамъ успокоился Фениксъ, зари ожидая священной.

Вскорѣ заснулъ и Ахиллъ въ глубинѣ своей крѣпкой палатки.